

Теоретические дискурсы и дискуссии

Понимание, видение и репрезентация времени в темпографии¹

DOI: [10.19181/inter.2020.12.4.1](https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.1)

Ссылка для цитирования:

Шеллер В. К. Понимание, видение и репрезентация времени в темпографии / пер. с англ. В. В. Семеновой, И. Н. Тартаковской // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.1>

For citation:

Scheller V. K. (2020) Understanding, Seeing and Representing Time in Tempography / transl. from English: V. V. Semenova, I. N. Tartakovskaya. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.1>

Вибекке Кристин Шеллер*

*Опираясь на исследование недавно созданного кардиологического отделения, в этой статье я описываю, как этнографы понимают, видят и репрезентируют время. Предыдущие обсуждения времени в контексте этнографии в основном вращались вокруг выбора подходящего времени (темпоральности) при написании текста, и некоторые исследования пытались разработать основу для проведения организационной этнографии, ориентированной на время, то есть **темпографии**. Я утверждаю, что осуществление стратегии темпографии требует рассмотрения нескольких фаз исследовательского процесса: как мы понимаем время в рамках теоретического подхода, как мы видим время через призму разных качественных методов, как мы представляем время при написании текстов. Я рассматриваю эмпирические данные, иллюстрирующие, насколько различными способами время может вторгаться в процесс этнографических исследований, например, в дневники наблюдений, через посредство изображений и нарративов, которые содержат*

¹ Статья впервые опубликована на английском языке в журнале FQS: Scheller V. K. Understanding, Seeing and Representing Time in Tempography [43 paragraphs] // Forum: Qualitative Social Research. Vol. 21. № 2. 2020. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/3481/4588>. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-21.2.3481>

Журнал FQS осуществляет политику открытого доступа ко всем своим публикациям на принципах прямого глобального обмена научными знаниями. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/submission/copyright> (дата обращения: 20.11.2020).

* Шеллер Вибекке Кристин — постдокторант-исследователь, доктор (PhD) в области исследования организаций и менеджмента, Департамент организаций, Школа бизнеса (Копенгаген, Дания); магистр в области изучения труда и психологии, Университет Роскилле, vks.ioa@cbs.dk.

Перевод текста осуществлен доктором социологических наук В. В. Семеновой (Институт социологии ФНИСЦ РАН, victoria-sem@yandex.ru) и кандидатом социологических наук И. Н. Тартаковской (Институт социологии ФНИСЦ РАН, lucia.richardson@gmail.com).

различные концептуализации времени, через рассказы пациентов о траекториях их лечения, а также этнографические описания работы специалистов. Я считаю, что этнографам необходимо учитывать: 1) **методологическое осознание темпоральности** как признание сосуществующих временных режимов в качественных данных; 2) **аналитическое осмысление практик темпоральности** как понимание времени и темпоральности через различные теоретические концепции; и 3) **совмещение различных темпоральностей** с целью представления различных точек зрения в этнографических работах.

Ключевые слова: темпоральность; этнография; исследования организаций; объекты времени; темпоральная работа; траектории; темпография

Введение

Представляя читателям процесс реализации темпографии как подхода, я буду рассматривать, каково значение системы восприятия, понимания и репрезентации времени для этнографии. Термин «темпография» был предложен Зерубавелем в 1979 году (Zerubavel, 1979) для описания социо-темпоральных структур в больнице в контексте этнографии организаций. Впоследствии это понятие использовалось исследователями развития города и соседства в рамках темпоральной географии (Auyero, Swistun, 2009; Harvey, 2015). Однако для самого Зерубавеля (Zerubavel, 1979) темпография означала не просто определение концепта географии времени, но описание набора растворенных в практиках *моделей времени*. Роль этнографических исследований организаций обсуждалась в исследовательских сообществах, а также в FQS², где Бергман (Bergman, 2003) призывал уделять в этнографии больше внимания *организациям*, то есть тому, что исследование может сказать об *организациях в целом*, а не просто изучению в них отдельных явлений. Соответственно, я утверждаю, что исследователи должны включать категорию времени в этнографические исследовательские проекты, а не просто изучать время в организационном контексте, как это делал Зерубавель, (Zerubavel, 1979) из-за чего и был в свое время подвергнут критике (Vobys, 1980).

Этнографам при написании работ неизбежно приходится выбирать между прошедшим и настоящим временем, привязывая свои описания к определенному временному моменту (Willis, 2010). Эта темпоральная перспектива исследовалась многими этнографами и обсуждалась в основополагающих текстах, таких как «Время и Другой» Йоханнеса Фабиана (Fabian, 1983). Для Фабиана привязка изучаемых культур к стазису настоящего времени означает проблемное отстранение (*othering*) от изучаемых предметов. Это настоящее было пережито исследователем в прошлом и впоследствии записано с использованием прошедшего или настоящего времени, но обе

² FQS (Forum Qualitative Sozialforschung) — академический журнал, посвященный качественным исследованиям в социальных науках, издается в Берлине (*прим. переводчика*).

формы создают для исследуемой культуры темпоральные проблемы. В идеале представители этой культуры должны выступать в качестве *партнеров по диалогу*, что очень важно для антропологов, поскольку дает изучаемой культуре активный голос. Замораживание этого голоса в определенном времени указывает на то, что представители этой культуры для этнографа остаются Другими, пространственно и темпорально отличными от него. Использование прошедшего времени предполагает, что культура (или организация) больше не функционирует таким образом, как это было в момент исследования, и ее практики ушли в прошлое, в то время как использование настоящего время предполагает, что ее практики застыли в прошлом и более не изменяются. Еще одна важная дискуссия, связанная со временем и этнографией, касается парадокса изучения нелинейных организационных процессов, описанных в исследовании линейно (Willis, 2010). Я считаю, что этих обсуждений недостаточно для освещения проблем, с которыми сталкиваются исследователи, поскольку время влияет на многие этапы этнографии организаций. В этой статье я намереваюсь обсудить различные способы влияния времени и темпоральности на исследовательский процесс и внести вклад в немногочисленную литературу о взаимосвязи между временем и этнографией. Я предполагаю, что растущий интерес исследователей организаций ко времени и темпоральности подчеркивает необходимость в новых методологических дискуссиях, а не помещения этих проблем в «черный ящик» исследований организаций.

Патрик Доусон (Dawson, 2014a, 2014b), один из немногих ученых — исследователей организаций, пишущих о взаимосвязи времени и этнографии, предлагает подход, состоящий из трех концептов: 1) осознание темпоральности, 2) темпоральные практики, а также 3) совмещение (*merging*) темпоральностей (Dawson, 2014b). Его предложения сосредоточены на этнографе и его установках по отношению к изучаемому явлению:

«Совмещение темпоральностей позволяет охватить переплетение объективного и субъективного времени, темпоральные практики дают возможность использовать различные концепции времени, не пытаясь раскрыть их смысл на стадии сбора и анализа данных, и осознание темпоральности позволяет принять парадокс времени в реляционно-темпоральной перспективе. Все вместе открывает возможности для инсайтов и большего понимания при проведении этнографических исследований изменений в организациях» (Dawson, 2014b: 148).

Для Доусона переплетение объективных и субъективных представлений о времени проявляет себя в рассказах респондентов об организационных изменениях, например, когда они говорят как о запланированных мероприятиях, так и о своем личном и изменчивом опыте восприятия времени. Задача исследователя — представить в этнографическом описании обе эти перспективы и объяснить, как они сосуществуют и в чем противоречат друг другу. Несмотря на то, что его подход в основном касается репрезентативной стороны исследовательского процесса, его концепции обладают некоторым

потенциалом для размышлений о темпоральности в этнографических исследованиях. Осознание темпоральности означает принятие парадокса времени, заключающегося в том, что исследователи часто представляют процессы изменений как линейные и поэтапные, хотя они воспринимаются самими их участниками как эмерджентные и хаотические. Принятие во внимание темпоральных практик соотносится с задачей исследователя использовать различные концепции, не раскрывая их, и поддерживать таким образом разнообразие проявлений времени в работе организаций и темы темпоральности в анализе. Например, исследователи используют понятие объективного времени, которое измеряется механически часами, наряду с субъективным временем — когда респондент описывает определенный период времени как быстро пролетевший или медленно тянувшийся. Этнографам в этом случае следует провести совмещение темпоральностей, сосредоточив внимание на переплетении объективной и субъективной темпоральной перспективы в этнографии организаций, особенно когда речь идет о процессах изменений. Моя цель — развить структуру Доусона, применив ее к другим аспектам этнографии с учетом особенностей качественных методов и их пригодности для фиксации темпоральных режимов, а также важности различных концепций времени и темпоральности для понимания организаций. Для этого я использую этнографическое исследование нового однодневного кардиологического отделения при одной из датских больниц (однодневный кардиологический стационар — *прим. пер.*)

Как правило, этнографы, проводящие исследования в области здравоохранения, сосредотачиваются на медицинских учреждениях как особом типе организаций, который воплощает множество различных репрезентаций времени (Glaser, Strauss, 1968; Zerubavel, 1979). Профессиональная необходимость бороться с болезнями и взаимодействовать с пациентами создает столь наглядные темпоральные напряженности (например, темпоральное пространство болезни), что они могут служить иллюстрациями для других типов организаций. (Moreira, 2007). Я участвовала в таких исследованиях и разработала основу для разных способов взаимодействия со временем и темпоральностью в процессе этнографического исследования. Поэтому исследовательский вопрос, на который я стремлюсь ответить в этой статье, звучит следующим образом: что дает темпографическое исследование организаций для изучения сосуществования нескольких разных временных перспектив? В данном случае под организацией я понимаю дневное кардиологическое отделение.

Соответственно, я считаю, что этнографам, проводящим темпографические исследования, необходимо задуматься о том, как они понимают время. С этой целью я первоначально предлагаю мини-обзор различных теоретических взглядов на время и темпоральность в организациях. Главный сюжет следующего раздела посвящен тому, как исследователи *видят время* через призму различных качественных этнографических данных, также я описываю там методы исследования, типы данных и тематический анализ, применяемые в моей темпографии. Затем я представляю эмпирический материал,

после чего предлагаю примеры того, как можно *репрезентировать время*, используя данные, полученные при исследовании в кардиологическом отделении — такие как объекты времени, темпоральная работа и траектории пациентов. Подводя итог, я обсуждаю, как этнографы должны думать о времени, для этого рассматриваю концепты *методологическое осознание времени, аналитические темпоральные практики и совмещение различных темпоральностей* (multi-temporal merging). И в заключении я резюмирую свой вклад в методологическую дискуссию о роли времени и темпоральности в этнографическом исследовательском процессе.

Теоретический анализ времени и темпоральности в исследованиях

В этом разделе я рассуждаю о взаимосвязи между темпоральностью и этнографией организаций, выдвигая предложения о том, как заниматься аналитической практикой, используя различные концепции темпоральности (Dawson, 2014b). Таким образом, я предлагаю краткий обзор литературы, в котором привожу примеры того, как ученые понимают время. Организации всегда изучаются в рамках временной перспективы, которую исследователи применяют для ее понимания. Если мы сосредотачиваемся на отношениях между дискурсом и временем (Jensen, 2007; Kozin, 2007; Wall, 2007), организационные процессы становятся языковой проблемой в репрезентации времени. При исследовании социо-темпоральных структур (Zerubavel, 1979) ученые склонны сводить организации к наборам более-менее устойчивых правил и ресурсов (orders and materials). Концентрация на практиках (Kaplan, Orlikowski, 2013; Orlikowski, Yates, 2002) делает организационную жизнь вопросом планирования и разработки стратегии. К тому же, постановка темпоральных процессов в качестве центрального пункта исследования обеспечивает фокус на процессах крупномасштабных изменений (Schultz, Hernes, 2012). В этой статье я выступаю за совмещение в исследовании организаций различных временных перспектив. Исследователи (Adam, 1995, 1998; Nowotny, 1994; Waterworth, 2003, 2017) и ранее использовали мультитемпоральный подход, но они редко делали это исходя из перспективы, ориентированной на практики, которую я здесь использую.

В следующих трех разделах я представляю различные теоретические взгляды, которые формируют аналитическую рамку для понимания того, как время и темпоральность влияют на профессиональные практики. Моя цель — показать, что эти аналитические перспективы составляют основу для включения темпоральных практик и совмещения темпоральностей в темпографии однодневного кардиологического стационара.

Объекты времени

Значимость *объектов времени* как проблематики привлекла большое внимание как ученых, изучающих организации (Zerubavel, 1985), так и более

широких социологических кругов (Birth, 2012). Исследователи даже охарактеризовали отношения между объектами и человеческим восприятием времени как следствие технологического ускорения, где новые информационные технологии увеличивают скорость, с которой выполняются различные виды деятельности (Rosa, 2013). Объекты времени являются социальными структурами и используются членами организации для различных целей, включая координацию деятельности, чтобы облегчить сотрудничество и соотнести между собой различные профессиональные установки по поводу времени (Yakura, 2002). На самом базовом уровне объекты времени становятся необходимыми даже для того, чтобы просто думать о времени — классическими примерами являются часы и календари (Birth, 2012). Главная особенность объектов времени состоит в том, что они предназначены для передачи определенных способов мышления о времени. Например, часы показывают *объективное время (clock time)*, а календарь передает *время события*. В контексте больницы часы, графики, планы и диаграммы сосуществуют в процессе последовательного ухода за пациентами и в его непрерывном всеохватном отражении, которое, согласно Зерубавелю (Zerubavel, 1979), является общим организационным принципом. Карта пациента (история болезни пациента), которая также упоминается у Зерубавеля, — это пример объекта, предназначенного для передачи определенного вида темпоральности, а именно рассказа пациента, основных событий, будущих перспектив болезни и т. д., то есть *времени пациента*.

Темпоральная работа

Когда члены организации используют объекты времени (например, графики и планы проектов), они осуществляют практики, которые имеют решающее значение для координации, согласованности и реализации целей организации. Соответственно, темпоральная работа нередко была центральной темой в исследованиях организаций (Kaplan, Orlikowski, 2013; McGivern et al., 2018; Reinecke, Ansari, 2015). Темпоральная работа — это концепция, которая описывает, как акторы дискутируют относительно различий в своих интерпретациях прошлого и настоящего организации, чтобы создать основу для будущих стратегических планов и действий. Эта перспектива была популярна в исследованиях стратегий организаций (Kaplan, Orlikowski, 2013), иногда с дополнительным акцентом на использовании пограничных объектов в качестве помощников стратегических процессов (McGivern et al., 2018). Как и в области стратегических процессов, профессионалы в больницах постоянно обсуждают истории болезни отдельных пациентов и их симптомы для принятия решений о медицинских планах и действиях. Они постоянно осуществляют мелкомасштабную стратегическую работу по уравниванию койко-мест, потребностей пациентов, планов процедур и неожиданных ситуаций. Такие профессиональные практики по природе своей сильно связаны с темпоральностью и подразумевают постоянные перемещения назад и вперед между прошлым, настоящим и будущим.

Траектории

Траектория — это особый процесс, разворачивающийся во времени. Концепция траектории использовалась учеными для описания различных организационных процессов: профессиональных карьер (Schilling, 2015), траекторий научных открытий (Timmermans, 1999) и управления опытом пациентов (Strauss et al., 1997). Траектория — это организационный нарратив, серия событий, происходящих во временной протяженности (например, процесс организационных изменений) или личных опытов, из которых складывается конкретная история (например, история болезни). В организациях множество траекторий профессионалов пересекаются друг с другом (Timmermans, 1998). В последнее время исследователи процессов также взяли на вооружение концепцию траектории. Хернес (Hernes, 2017) предлагает понятие *темпоральной траектории* как объекта мышления, как формы организационного образования, которую акторы постоянно обсуждают и реконструируют. В классических исследованиях здравоохранения ученые в основном использовали концепцию траектории для описания социальной организации работы в больнице от диагноза до выздоровления или возможной смерти пациента (Strauss et al., 1997). Эта концепция часто используется применительно к лечению хронических заболеваний, таких как рак, ишемическая болезнь сердца и сердечная недостаточность. Она применяется учеными для анализа мнений специалистов о том, как будет развиваться болезнь, как пациент переживает процесс лечения и как должна быть организована многосторонняя работа по ходу этой траектории.

Таким образом, исследователи организаций обсуждали время и темпоральность многими способами. Каждая из этих перспектив важна для понимания того, как функционируют организации и что они собой представляют, это в полной мере относится и к здравоохранению. Поэтому в данной статье я утверждаю, что необходимо изучить, как разные представления о времени сосуществуют в жизни организаций, и именно на этот подход я опираюсь при описании темпографии однодневного кардиологического стационара.

Методология темпографии

В этом разделе я рассматриваю, как этнографы видят время, когда осуществляют темпографическое исследование с использованием качественных методов. Важно подчеркнуть, что «видеть» не следует понимать чисто реалистически, скорее это концепт, описывающий, как этнографы входят в различные темпоральные режимы, используя разные методы.

В этнографическом кейс-стади кардиологического отделения я сфокусировалась на актуальных действиях, разговорах и учетных записях (Atkinson, Hammersley, 1994; Hammersley, Atkinson, 2007). Делая исследование, относящееся к категории «*организационная этнография*», я в первую очередь была заинтересована в изучении повседневных практик (Pedersen, Humle, 2016), поскольку они отражают роль времени и темпоральности в деятельности

организации. Было проведено несколько классических этнографических исследований, где время выступает в качестве центральной темы исследования, как правило, они возникали на базе подхода grounded theory (Barley, 1988; Birth, 2012; Dawson, 2014b; Glaser, Strauss, 1968; Strauss et al., 1997; Willis, 2010). В этом исследовательском проекте я отошла от подхода grounded theory к темпографии, придерживаясь более осмотрительной и теоретически оснащенной методологии. Важно отметить, что это не требует применения специфических теоретических перспектив относительно времени, но достаточно простого интереса ко времени и темпоральности как широко определяемым с самого начала общим категориям, то есть рассмотрения времени в качестве ключевого организационного принципа (хотя часто молчаливого и неявного) и вынесения его на первый план. Например, сначала я сосредоточилась на временных практиках (temporal practices), но значимость траекторий пациентов и объектов времени вылилась в исследовательские темы уже по ходу проекта, поскольку по ним постоянно велись обсуждения и консультации с профессионалами относительно проблематики ежедневного планирования.

По мере развития проекта возникала параллельная цель — обсудить, как разные качественные данные соотносятся со временем и темпоральностью, делался упор на точках, которые могут представлять интерес для исследователей, желающих заниматься темпографией. Я осуществила свой этнографический проект в период с января 2015 года по май 2017 года (см. рисунок 1). Первичные данные состоят из записей интервью, записей наших встреч и полевых заметок, сделанных в то время, как я отслеживала практики профессионалов (Czarniawska, 2007) и пациентов однодневного стационара. Сопровождение как этнографический метод предполагает выбор исследовательской позиции следовать за участниками в их повседневной жизни, чтобы понять их практики, и затевать с ними разговоры, пытаюсь понять их мысли и действия. В этом специфическом исследовании я сопровождала профессионалов с целью понять, как они исполняли свои рабочие задания, особенно в отношении планирования, и участвовала в их профессиональных дискуссиях (whiteboard meetings³), в то время как цель сопровождения пациентов состояла в неформальных беседах относительно их пациентского опыта.

Были собраны различные типы данных (см. рисунок 1). Из полевых заметок, а также транскриптов интервью и аудиозаписей врачебных встреч, я получила целый ряд идей, связанных с опытом профессионалов и пациентов, как они справляются с теми временными напряжениями, которые привносит система «выписка-в-тот-же-день». Нарративы пациентов (Pedersen, 2009; Pedersen, Johansen, 2012) содержали линейные (более или менее) истории, соединяющие прошлое, настоящее и будущее. Таким образом, это естественный инструмент для изучения временного аспекта. В однодневном стационаре я отслеживала нарративную часть проекта, она формировалась двумя путями:

³ Whiteboard meeting — принятый в англоязычной литературе термин, обозначающий совещание типа «мозговой штурм с использованием доски, на которой фиксируются осуждаемые идеи». URL: <https://conceptboard.com/blog/effective-whiteboarding-sessions/> (дата обращения: 20.11.2020) (прим. переводчика).

Рисунок 1. Обзор данных этнографического исследования

1) через интервью и 2) через наблюдение за разговорами между пациентами и профессионалами. Другим источником данных были полученные из наблюдения обзоры практик (Atkinson, Hammersley, 1994; Czarniawska, 2007; Jarzabkowski et al., 2014). Краткий вариант дневника наблюдения представляет собой другой вид источника данных, специально выстроенный исследователем в виде истории, куда обычно записывается происходящее в форме линейного (последовательного) микроотчета. Организационные практики часто осуществляются в определенном времени и месте, некоторые из них имеют выраженное темпоральное качество. Так, процесс принятия решений отсылает к прошлому, нынешнему и будущему состоянию определенной проблемы. Изображения изучаемых объектов — фотоснимки — являются слепами, замороженными во времени (Orlikowski, 2000, 2007; Orlikowski, Scott, 2008), но все же позволяют этнографу показать, как объекты презентуют время и темпоральность номинально, и как это происходит в реальности. Например, исследователям трудно продемонстрировать, как профессионалы постоянно адаптируют объекты времени, представляя только графики планируемых мероприятий и действий, тогда как сочетание изображения вместе с отчетами наблюдений предоставляет интересные данные о той роли, которую играет этот объект. Различные темпоральности этнографических данных нелегко отделить, поскольку они сосуществуют и влияют друг на друга постоянно, как я продемонстрирую подробнее в разделе анализа.

После окончания полевых работ я провела тематический анализ (ТА) стенограмм и полевых заметок (Clarke et al., 2015). Подход ТА, который я использовала в этом исследовательском проекте, называют подходом “Big Q approach”. Кларк и соавторы определяют его как аналитическое видение, отвергающее универсальные значения, но подчеркивающее контекстуальное

знание. Следуя подходу ТА, исследователь должен пройти шесть аналитических шагов, или этапов: 1) ознакомление; 2) кодирование; 3) поиск тем; 4) пересмотр тем; 5) дефиниция и называние тем; 6) написание отчета (Clarke et al., 2015: 230). Я выделю здесь три наиболее важных шага. Я ознакомилась с этнографическими данными (Шаг 1), собранными как во время, так и после завершения полевых работ, путём чтения и перечитывания стенограмм и полевых заметок и составленных первичных аналитических и рефлексивных мемов. Прослушала аудиозаписи — как в процессе транскрибирования, так и вне его. Потом начался процесс кодирования (Шаг 2) с открытым тематическим кодированием, связанным с основным исследовательским вопросом: как время (как концепция в широком понимании) проявляется в эмпирических данных; например, как люди прямо говорят о временном прессинге, о прошлом времени или планировании на будущее. При пересмотре тем (Шаг 3) я определила наиболее когерентные и «плотные» аспекты, которые были как-то связаны с RQ, что завершилось выбором трех аналитических тем, а впоследствии их теоретической репрезентацией (см. таблицу 1).

Таблица 1

Аналитические темы

Эмпирический пример	Аналитическая тема	Теоретический концепт
«Врач рассматривает предпосылки для проведения исследования, а также методы и результаты. Затем он спрашивает: “Основываясь на этом предварительном изучении, какую общую стратегию мы выберем?”. Далее они обсуждают, каковы возможные последствия для такого лечения пациентов в будущем» (Полевая заметка, 8 сентября 2015 г.)	Дискуссия, затрагивающая протяженность от прошлого к настоящему и будущему	Темпоральная работа
«— <...> Мы пытались составить карту траектории движения пациента через систему однодневного отделения <...> у нас не было действительно полной информации о том, что пациентам сказали во время их первой встречи в амбулаторной клинике <...> поэтому мы потратили много времени, чтобы построить временную карту этого процесса» (Интервью, врач)	Траектории существенно важны для организации процесса	Траектории пациентов
«Медсестры смотрят на монитор, демонстрирующий информацию о пациентах, и отслеживают их статус на процедурах. Они удивляются, почему так мало пациентов до сих пор выписаны. Неужели персонал в процедурной сегодня был особенно медлителен?» (Полевая заметка, 18 ноября 2015 г.)	Материальные объекты занимают центральное место в соблюдении плана процедур	Объекты времени

Я не могла включить в окончательный список все темы, которые возникали в результате тематического анализа (например, *отношения между временем и пространством*): или из-за отсутствия плотности данных, или же из-за более слабой релевантности по отношению к основному исследовательскому вопросу. Три аналитические темы отражают разные теоретические подходы к анализу однодневного стационара, требующие методологических решений и учета некоторых соображений.

Ключевым вкладом организационной темпографии как специфического подхода является то, что она привносит с собой теоретически богатые концепции (возвращает теорию, как определили Pedersen, Humle, 2016). Этнографами, изучающими организации, как правило, упускается из виду, что они в основном проводят исследования времени внутри организаций, в определенном организационном контексте, вместо того, чтобы изучать, как разные теоретические концепции времени формируют организации (Bergman, 2003). Соответственно, в следующем разделе я описываю специфическую темпоральную организацию — кардиологический однодневный стационар.

Представление системы «выписка-в-тот-же-день» в однодневном кардиологическом стационаре

Кардиологический дневной стационар был создан в 2015 году в больнице в Дании для проведения с пациентами плановых или подострых процедур в двух медицинских областях — аритмии и ишемической болезни сердца, — для тех пациентов, которые могут быть выписаны домой или переведены в другую больницу в тот же день, когда проведена процедура. Общим знаменателем для всех пациентов был не общий диагноз, а то, что у них были аналогичные траектории — то есть относительно короткие и незамысловатые. Делая этнографическое поле, я быстро познакомилась с каждодневными рутинными процедурами и обнаружила, каковы инструменты планирования, порядок записи пациентов и протоколы, которые поддерживали работу профессионалов. Медицинские процедуры планировались с помощью IT-системы, которая показывала процедуры и операции (с незначительным вмешательством), запланированные на много недель вперед. Сотрудники в офисе кардиологической клиники бронировали процедуры на основе справки от врача-специалиста или направления другой больницы. На стене в сестринском офисе находится цифровой монитор, который содержит обзор планируемых процедур, то есть процедурный план. Рядом с ним находится еще один монитор с обзором пациентов — просто список пациентов, с распределением их по кроватям и комнатам. Обзор пациентов играет вспомогательную роль в работе профессионалов как напоминание о времени запланированной процедуры, посещения и содержит информацию об общем состоянии здоровья пациента и конкретном заболевании. Записи о пациентах регулярно использовались персоналом, чтобы сориентироваться, используя

заметки об истории болезни и т. д. Эта запись формировалась за несколько дней до процедуры, когда пациент встречался с врачом и медсестрой в амбулаторной клинике.

На начальном этапе существования отделения, в мае 2015 года, возникли трудности с реализацией процедуры в тот же день, что привлекло мое внимание к напряженностям, которые появляются в результате введения более сжатых сроков. В то время руководство отделения искало узкие места и неотрегулированные процессы и опрашивало пациентов об их опыте. Большинство пациентов были очень довольны лечением и дополнительно быстрым, эффективным и компетентным уходом, который они получали. Однако в тот период было много дискуссий между специалистами о том, как быть с теми пациентами, которые не соответствовали новой схеме выписки. Планирование также было осложнено из-за возросшего давления на отдельные сектора. Это давление перемещалось от одного сектора к другому, например, если места были заняты в отделении интенсивной терапии, это приводило к тому, что серьезно больные пациенты оставались госпитализированными в отделении неотложной помощи, то есть к организационному сбою. Это затрудняло реализацию проекта, поскольку пациенты, которые должны были быть перемещены в другое место, чтобы закрыть однодневное отделение на ночь, оказывали дополнительное давление на другие отделения больницы. Стало ясно, что создание специализированного подразделения с выпиской в тот же день влечет за собой глубинное изменение рутинных рабочих задач, а не просто выполнение задач в более короткие сроки. Тем не менее, было очевидно, что многие трудности, связанные с планированием, управлением конкурирующими системами и синхронизацией работы различных отделов, а также траектории пациентов, должны рассматриваться профессионалами.

Эмпирические иллюстрации времени в кардиологическом отделении

В этом разделе я привожу аналитические выдержки из моих данных, которые иллюстрируют различные репрезентации времени в темпографии кардиологического однодневного стационара с трех точек зрения: 1) с точки зрения профессионалов, использующих объекты времени; 2) с точки зрения профессионалов, практикующих темпоральную работу; 3) с точки зрения траекторий, которые непрерывно реконструируются как пациентами, так и профессионалами. Я представлю короткие эмпирические иллюстрации и не полностью проработанный анализ, так как моя главная цель состоит в том, чтобы показать, насколько разные аналитические перспективы времени связаны с этнографией и ее методами. В тексте приводятся выдержки из наблюдений и интервью, которые я проводила в ходе исследования. Все цитаты обезличены, идентификационная информация удалена или значительно изменена.

Планы процедур как объекты времени

В кардиологическом однодневном стационаре монитор висит на стене у медперсонала, он показывает план процедур на конкретный день. Обзор содержит имена пациентов, название запланированной процедуры и их распределение по определенным процедурным комнатам («Кабинет» на рисунке 2). Профессионалы могут отслеживать в режиме реального времени события в каждом кабинете, где вертикальная линия отмечает текущее время и цвета указывают фазы процедуры, например, зеленый означает *подготовку*, красный используется для «*времени ножа*» (когда операция выполняется) и коричневый — для фазы *завершение*. Специалисты используют этот план для координации работы с каждым пациентом, прочитывая изменения цвета. Когда следующий пациент должен быть готов к процедуре, когда пациент закончит процедуру, есть ли задержки, не прибыли ли острые пациенты? Когда медсестра смотрит на доску, она может расшифровать траекторию каждого пациента, глядя на выделенные цвета на экране.

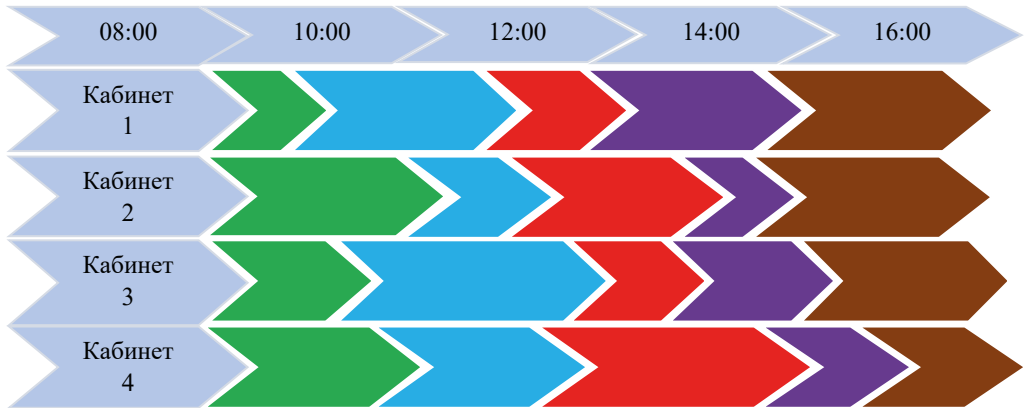

Рисунок 2. Изображение плана процедуры

План процедуры является центральным объектом работы в офисе медсестер. Здесь он представлен цитатой из интервью медсестры:

«<...> Мы очень фокусируемся на плане процедур, чтобы он продолжался как следует. Потому что если он будет нарушаться, то именно нам придётся пойти и объяснить пациенту: “Есть задержки”» (интервью, медсестра).

С планом постоянно сверяются, внимательно следят за непредвиденными изменениями. Если приходят острые пациенты, то на экране появляются темно-синие полосы, указывая, что они должны быть втиснуты в график. В следующей полевой заметке я привожу пример такого изменения и как оно обрабатывается профессионалами:

«Сейчас 11 утра, техник звонит в офис медсестер и объясняет, что медицинское оборудование в кабинете номер 4 сломалось. Далее все имена пациентов на мониторе стали темно-синими и медсестры знают, что это означает, что они должны переместиться в другие кабинеты. Это создает много проблем для сегодняшнего планирования. Медсестры обсуждают, каких пациентов можно отменить. Они информируют ожидающих пациентов, что «все выглядит плохо», но пациенты все еще ждут, чтобы увидеть, смогут ли процедуры все же состояться в эту дневную смену. Мы следим за развитием событий в течение дня по монитору. Процедуры отодвигаются все дальше и дальше во второй половине дня, и вдруг две процедуры перенесены на время после 8 часов вечера. Медсестра объясняет, что персонал лучше переработает сверхурочно сегодня, чтобы совершить еще несколько процедур, чем окажется отстающим от графика в следующие дни недели» (полевые заметки, 9 июля 2015 г.).

Таким образом, профессионалы воспринимают доску с планом процедур как центральный объект времени в общем процессе планирования, но она также важна для медсестер в ходе управления процессом ожидания пациентов. На мониторе отображаются временные рамки, которые содержат предположения относительно планирования траекторий движения пациентов на будущее. Кроме того, монитор может выступать в качестве объекта для текущих переговоров и обсуждения этих будущих ожиданий. Темпоральных объектов в больнице много: некоторые из них особо важны для планирования траекторий пациентов, и некоторые из них имеют более важный статус, чем другие. В приведенном отрывке о поломке оборудования задержка означает сокращение *объективного времени (clock time)*, что визуально отражается на мониторе. Для восстановления графика профессионалам требуется изменить договоренности и нарушить несколько пациентских траекторий, то есть *время пациента (patient time)*. Объекты времени играют важную роль в организации больничной работы. Темпоральность рабочего дня профессионалов создает объект, который наследует две темпоральности, но разрушает логику траектории пациентов в пользу объективного времени. При исследовании значения объектов времени в организациях фокусом неизбежно становится то, как социально-материальные объекты и порядок формируют жизнь организации. Тем не менее я хотела бы подчеркнуть то, о чем уже упоминалось выше относительно полевого этапа: фокус концентрируется на профессиональной деятельности по отношению к данным объектам. В этом анализе я представляю время двумя способами: один — план процедур как застывшее изображение, другой — использование объекта в процессе наблюдения. Я показываю, что эти две репрезентации вместе объясняют, как, с одной стороны, дизайн плана формирует определенный тип темпоральности (здесь: *объективное время*) и как, с другой стороны, это проявляется в профессиональной практике.

Об отсрочках как темпоральной работе

Иногда пациенты не могут быть выписаны из-за осложнений (таких как сильное кровотечение), переноса процедур или других видов задержек. В конце каждой дневной смены старшая медсестра составляет общий документ по плану «обзор пациентов», который она распространяет среди других сестер для планирования их рабочих заданий. О центральной роли цифрового монитора «обзор пациентов» я поняла из наблюдения, когда техническая ошибка привела к сбою монитора, отображающего обзор пациентов:

«Они попробовали ставить свои заметки непосредственно на мониторе вручную, но процесс быстро стал неуправляемым. Сейчас одиннадцать часов, а экран все еще не работает. Старшая медсестра вызывает техников и говорит в резких выражениях по телефону: “Вы обязаны прийти и должны исправить все в срочном порядке. Мы не можем работать!”» (полевые заметки, 15 сентября 2016 г.)

Соответственно, всякий раз, когда общий план распределения пациентов разрушается, первичной задачей профессионалов становится обсудить и выстроить распределение пациентов на обзорной доске:

«В 14:30 старшая медсестра готовит план на завтра. Обзорная доска выглядит очень хаотичной. Слишком много пациентов по сравнению с количеством коек, потому что некоторые из них не были выписаны в соответствии с запланированными показателями. Старшая медсестра также смотрит на план процедур, который полностью уже укомплектован. Она вносит некоторые предложения, как можно выйти из ситуации, хотя все выглядит совершенно безнадежно. Она говорит в ироническом тоне: “Вы действительно не можете ничего больше выжать из этой репы?” Другая медсестра отвечает: “Нет, потому что независимо от того, что мы сделаем, у нас не будет коек для трех пациентов”. Медсестры продолжают обсуждать, какие пациенты могут подождать в коридоре, если это необходимо; каково их психологическое состояние; проявляли ли они необычную нервозность при первоначальной встрече в амбулаторной клинике. Они решают, что это будут за пациенты — это будут те, которые придут на самые короткие процедуры» (полевые заметки, 17 ноября 2015 г.).

В этой выдержке я привожу пример того, как профессионалы занимаются микростратегической темпоральной работой, как они обсуждают трудности текущего момента и учитывают поведение пациентов в аналогичных ситуациях в прошлом, чтобы взять это за основу для принятия правильного решения на будущее. То, что пациенты говорили медикам во время предыдущей встречи в амбулаторной клинике, перенесено в настоящее время и используется для принятия решений об их распределении по процедурам в отделении. Интересно, что темпоральная работа часто происходит в отношении к объектам времени (подробно описано в первом аналитическом разделе).

В этом эмпирическом разделе я представляю, как объекты времени, то есть обзорные доски пациентов, где размещены планы и записи относительно пациентов, поддерживают временной ритм работы профессионалов. Темпоральная работа и объекты времени связаны, но представляют собой две очень разные перспективы: временная работа касается *темпоральности* (микростратегические процессы по отношению к прошлому, настоящему и будущему), а объекты времени касаются *времени* (структуры, используемые для картирования времени). Данные наблюдений, которые были сконструированы, репрезентируют время как короткий линейный расчет времени профессионалами, занимающимися микростратегической практикой, которая захватывает прошлые, нынешние и будущие аспекты проблемы.

Профессиональная дилемма и траектории пациентов

Часто очень важно, чтобы пациенты в однодневном стационаре сообщали о своем личном опыте профессионалам, которые управляют их траекториями. В целом их индивидуализированные истории болезни играют центральную роль во время приема и общения с персоналом отделения. Профессионалы должны прислушиваться к пациентам, к их тревогам, о чем свидетельствует и данный отрывок полевого отчета наблюдения, где пациентка удивляется, что ей необходимо сделать операцию:

«Я немного удивлена, что результаты моей предыдущей операции не продлились дольше. Говорили, что этого обычно хватает на 20 лет». Пациентка надеется, что ей предстоит лишь незначительная процедура, так как ей нелегко снова решиться на инвазивную операцию. Она говорит: «Я просто думала, что все это уже осталось позади»» (полевые заметки, 27 ноября 2015 г.).

Предшествующая линия траектории этой пациентки характеризовалась проблемными переживаниями (длительное восстановление после инвазивной хирургии), о чем она считает необходимым сообщить профессионалам, поскольку идентифицирует эти переживания как важные события. Я приведу еще один пример о первой встрече в амбулаторной клинике, где другая пациентка фрустрирована временем ожидания:

«Я уже давно волновалась, что что-то не так с моим сердцем, но никто меня не слушал». Пациентка давно устала от административной организации системы здравоохранения и пережила много отмененных процедур. Врач обращается ко мне и говорит: «Пожалуйста, обратите внимание, что имена пациентов зачастую не появляются в наших интернет-системах — зачастую случаются изменения и перестановки времени процедур, и это ничем не заканчивается». Пациентка жалуется на длительное ожидание: «Почему я должна была ждать так долго, чтобы прийти сюда? Я звонила несколько раз и жаловалась». Пациентка с грустью отмечает, что ее здоровье ухудшается. Пациентка имеет многочисленные физические недомогания,

довольно быстро её силы истощаются. Пациентка рассказывает нам, что в молодости она работала с вредными материалами, и поэтому сегодня у нее проблемы с легкими. Врач выслушивает ее, записывает информацию о получаемых лекарствах, сообщает о планируемой процедуре и прощается. Он делает запись в истории болезни пациентки, в которой кратко излагает ситуацию и историю заболевания. Доктор объясняет мне, что считает особенно важным делать эти заметки о пациентах в схеме дня первичного приема, поскольку у специалистов, сталкивающихся с ними в процессе процедуры, мало времени, чтобы сделать полный обзор ситуации пациента» (полевые заметки из дневника наблюдений, 15 сентября 2016 г.).

Из этого диалога видно, как врач переводит нарратив пациентки в свои заметки, чтобы полученную информацию можно было использовать впоследствии, в будущем, при планировании ее траектории в однодневном стационаре. Врач фиксирует (Таблица 2) наиболее важные события в предыдущей траектории пациентки, которые могут иметь большое значение для её траектории в условиях дневного стационара. Его описания объясняют ее раздражение по отношению к больнице, телесный дискомфорт и фиксируют предшествующие заболевания, которые могут (потенциально) иметь значение для будущего лечения. Врач также пытается перенаправить неудовлетворенность пациентки больницей в сторону системной ошибки, тем самым контекстуализируя опыт пациентки и ее траекторию. Подготовка истории болезни пациента и перевод нарративной информации в заметки является центральным компонентом работы с траекторией пациента, поскольку эти записи обеспечивают базу для обмена информацией, к которой могут получить доступ различные профессионалы и в будущем, таким образом наблюдая за пациентом *во времени*.

Таблица 2

**Пример истории болезни пациента
(изменена для сохранения анонимности пациента по критериям
диагноза, времени и типа процедуры)**

Предварительные данные	Пациентка жалуется на боль в груди. Она выражает недовольство тем, что ее не приняли до сих пор. Пациентка ежедневно испытывает боль и считает, что ее физическое состояние серьезно ухудшилось. Ранее она работала с вредными материалами и имеет нарушения функции легких.
Аллергии, ограничения	Нет.
Примечания	Боль после легкой физической нагрузки.
Процедура	Коронарная катетеризация, возможно, баллонная ангиопластика.
План лечения	Имеются указания на возможные окклюзии из-за боли в груди. Пациентке назначена катетеризация в однодневном стационаре.

Мне представляется интересным, что траектории пациента поддерживаются временными объектами (например, историей болезни пациента) и темпоральной работой, то есть работой, предпринятой врачом, чтобы понять прошлое пациента и выработать стратегию его будущего лечения. Тем не менее я утверждаю, что траектории пациента — это нечто большее, чем профессиональная работа, организованная через объекты, хотя это доминирующий способ, с помощью которого они обычно описываются в исследованиях организаций. Как я показываю в приведенном выше отрывке из дневника наблюдений, траектории постоянно подвергаются сомнению и реконструируются профессионалами и пациентами. Недалекое прошлое пациентов и их ожидания на будущее имеют решающее значение при формировании, восприятии и управлении траекториями в больничных отделениях, таких как дневной кардиологический стационар. Рассмотрение организационных процессов в качестве центрального фокуса изучения дает исследователю возможность сконцентрироваться на процессах изменений. Траектории пациентов представляют собой еще один вид процесса, который обсуждался в медицинских журналах в течение многих лет, но исследователи организаций не уделяли ему большого внимания. Здесь я представляю *время* через линейный нарратив пациента, представленный врачу, который переводит его в план дальнейшего лечения.

В предыдущих аналитических разделах я показала, что в кардиологическом однодневном стационаре сосуществуют различные временные перспективы. Объекты, представляющие время, поддерживают темпоральные рабочие практики, а траектории пересекаются как с объектами, так и с практиками. Иногда временные перспективы сталкиваются и создают напряженности, как в случае с отношениями между траекториями пациентов и планом процедур, когда специалистам приходится решать, какими траекториями пожертвовать, чтобы реорганизовать конструкцию нужного им объекта. Итак, куда же приводит эта множественность временных и темпоральных перспектив этнографа? Какие вопросы будут особенно важны для этнографа при проведении и написании этнографических исследований, касающихся темпоральности в организациях? Мой вклад заключается в разработке подхода, способного решать эти проблемы, в разработке методологии темпорального осознания через введение идеи множественности темпоральных модусов в качественных данных, предпочтении аналитических темпоральных практик путём использования различных концепций и установления мультитемпорального комбинированного подхода, подчеркивающего сосуществование различных темпоральностей в организациях. Я рассмотрю эту конструкцию (концепцию) в следующем разделе.

Осознание темпоральности, практики и совмещение в темпографии

Существующая литература по проблематике времени и этнографии дает мало рекомендаций относительно степени представленности времени

в качественных исследованиях. Соответственно, в этой статье я дискутирую относительно нескольких способов, которыми исследователи должны рассматривать роль времени в процессе исследования. Это особенно важно в свете последних достижений в области изучения организаций, где исследователи изучают не только темпоральные структуры (согласно Zerubavel, 1979), но также и переплетение практик и процессов.

Я нахожу проблему времени в этнографии приоритетной при изучении темпоральных практик и процессов (связывающих прошлое, настоящее, будущее), и один из способов разрешить существующую напряженность — рассмотреть, как различные временные перспективы связываются вместе в отчетах об исследовании. Еще одна возможность справиться с парадоксом времени заключается в том, чтобы снимать на видео работу медицинских работников и воспроизводить ее им при проведении интервью. Эйлин Уиллис подчеркивает, что это позволяет интервьюируемым взаимодействовать с «другим» (Willis, 2010: 556). Видеозапись медицинской работы может, конечно, быть этически проблематичной, так как профессионалы постоянно обсуждают деликатные вопросы, связанные с пациентами. Проблема «замораживания во времени» в исследовательских отчетах останется проблемой для этнографов, и поэтому они должны принять принцип «замороженности во времени» своих исследований как «глубокий срез» практик в определенный момент времени. Я решила описать свой кейс (раздел 4) в прошедшем времени и представить выдержки из моих полевых заметок в анализе в настоящем времени. Цель состояла в том, чтобы подчеркнуть временное напряжение между тем, что я испытала при полевом опыте моей исследовательской работы, и тем, как полевые заметки отражают «глубокий срез» конкретного момента времени.

Помимо признания того, что этнографическое описание является «глубоким срезом», для этнографов важно думать о том, насколько исследование выстроено как линейный проект — даже в случае, если оно предназначено для изучения временной и процессуальной стороны организационной жизни. Исследователь придерживается при написании текстов заранее запланированной и линейной траектории, которая чем-то заканчивается, в то время как деятельность членов организации продолжается и все время меняется. Я построила эмпирический раздел этой статьи (описание кейса) как линейный отчет о том, что произошло в однодневном стационаре. Хотя постулат о линейном времени проблематизируется даже такими исследователями, как Доусон (Dawson, 2014a, 2014b), но все же исследователь должен спросить себя: каким образом описание кейса может быть представлено в ином виде, чем линейное описание, если оно (описание кейса) создается для того, чтобы быть понятным для читателей и рецензентов? Возможно, этнография организаций могла бы извлечь пользу из более экспериментальных подходов, но исследователи не могут полностью избежать линейности, да и не должны, поскольку это тоже неотъемлемый темпоральный аспект проведения этнографических исследований. Цель состоит не в том, чтобы избавиться от какой-либо линейности, а в том, чтобы убедиться, что включены и другие темпоральные перспективы.

В этом отношении я нахожу подход Доусона (Dawson, 2014b) продуктивным, но мой вклад заключается в том, чтобы дальше продвинуть его тезис — еще глубже объяснить роль времени в работе организаций и то, к каким последствиям для этнографа ведет такое направленное фокусирование на времени. В качестве иллюстрации темпоральной рефлексии этнографа Доусон отмечает, что этнограф проводит в поле длительные (хронологически) периоды времени, и это позволяет ему ухватывать ключевые события. Моя позиция заключается в том, чтобы применить потребность в темпоральном осознании напрямую ко всему полю качественных методов в этнографии, то есть рассмотреть их как *методологию темпорального осознания*. Исследователи должны знать о временной укорененности качественных методов, то есть о том, что интервью, как правило, выстраиваются как линейные нарративы; что наблюдение за микростратегическими практиками завершается отчетами о профессионалах, включенных в работу в определенной временной протяженности, и что визуальные изображения временных объектов застыли во времени. Соответственно, методологический выбор, который делает этнограф, имеет фундаментальные последствия для того, какого рода анализ нужно и возможно предпринять в том или ином случае.

Темпоральные практики для Доусона связаны с навыками исследователя — в частности, с его способностью удерживать (и презентировать) различные концепции времени в этнографии. Однако я нахожу, что понимание недифференцированности темпоральных практик только как недифференцированных по принципу “объективное/субъективное время”, является недостаточным. Вместо этого я предлагаю этнографам осуществлять *общую аналитику темпоральных практик*. Это приведет к использованию различных концептов для аналитического объяснения времени и темпоральности в организации: как практик (темпоральная работа), как процессов (траектории пациента) и как структур (объекты времени). Один из способов реализации аналитического подхода к темпоральным практикам заключается в рассмотрении, как различные концепции времени приводят к противоречиям и трудностям в организационной среде, что я подчеркивала в своем анализе. Черпая вдохновение из процессуальной перспективы (как я это делала с концептом траектории), мне удалось проиллюстрировать, как в организации отдельные акторы объединяют прошлое и будущее, сливая их с настоящим, и тем самым остаются открытыми к разноплановым концепциям времени. Я считаю важным отметить, что аналитический выбор этнографа создает специфические сложности для репрезентации исследования и способности совместить различные временные перспективы.

Когда речь заходит о совмещении времен, как в последней части описания подхода Доусона, я задаюсь вопросом, почему оно должно ограничиваться совмещением объективного и субъективного в репрезентации процесса смыслообразования? Учитывая более широкое разнообразие временных перспектив, рассмотренных в последних исследованиях организаций, я предлагаю исследователям проводить *многовременное совмещение*, конкретно приводя различные временные репрезентации в этнографическом отчете

и эмпирически показывая, как они сосуществуют. В качестве примера я указываю на пересечение времен в темпоральной работе, которое происходит по отношению к объектам времени в кардиологическом дневном стационаре: когда профессионалы сверяются с планом процедур при принятии решений, охватывающих прошлый опыт, нынешние проблемы и будущие ожидания. Я утверждаю, что важно не только совмещение линейных и процессуальных перспектив, но и структурных и процессуальных. Я утверждаю, что точечная концентрация внимания только на совмещении объективных и субъективных временных перспектив приводит исследователя к описанной у Бирт ловушке — человеческой потребности превращать темпоральности в объекты, что ведет в свою очередь к риску нарушения логики (Birth, 2012). Я пыталась избежать этой ловушки, показывая связь между объектами времени, работой со временем и траекториями, но сохраняя их при этом как отдельные концепты с различными темпоральными репрезентациями. Я предлагаю исследователям заниматься многовременным слиянием и обязательно интегрировать различные временные перспективы, то есть время как социальную структуру и темпоральность, в исследования организаций и, в частности, в темпографию организаций.

Я вижу ограничение темпографического подхода, поскольку исследователи должны вовлекать время в исследовательский процесс тремя различными способами: как понимают, видят и репрезентируют время — все они связаны и иногда трудно отделимы друг от друга. Объекты используются профессионалами (например, план процедур, как это было представлено в дневнике наблюдения), а нарративы пациентов переводятся в изображения объектов (например, запись истории болезни пациента). Их разделение можно было бы рассматривать как вынужденное занятие для этнографа. Однако я заявляю, что это важно сделать, чтобы дать всеобъемлющую картину. Кроме того, методологический, теоретический и репрезентативный выборы исследователя редко (если вообще когда-либо) осуществляются в определенной последовательности, особенно в этнографии, где индуктивный подход является императивным. Однако созданный мною темпографический подход будет направлять исследовательскую рефлексивность в сторону размышлений о том, как использовать время в научных проектах.

Наконец, я утверждаю, что темпоральное осознание, практики и совмещение времен необходимо рассматривать не только в связи с темпографией, но и в области аналитического понимания организаций, то есть как совокупность переплетающихся темпоральных структур, практик и процессов. В своем исследовании я рассмотрела понятие *темпоральное осознание*, показывая, как время как социальная структура и время как темпоральность сосуществуют в кардиологическом однодневном стационаре. Презентацией времени, сосуществующего в различных его пониманиях, я привношу в качественное поле знание и осознание множественности временных аспектов в рамках одного и того же рабочего дня и вношу свой вклад в новое объяснение того, почему больницам (и организациям в целом) иногда бывает трудно изменить свои рабочие практики и устанавливать новые временные рамки для их исполнения.

Заключение

Этой статьей я вношу свой вклад в этнографическую литературу, разрабатывая и развивая подходы для исследователей, интересующихся временем и темпоральностью в организациях, то есть для темпографов. Я прихожу к выводу, что они должны заниматься проблемой времени на нескольких этапах исследовательского процесса. Во-первых, они должны делать это на уровне методологии темпорального осознания, то есть размышляя о том, как время проявляется в различных видах качественных данных. Эта осведомленность позволяет исследователю рассмотреть целесообразность конкретного метода для изучения вопросов, связанных со временем, например, при выборе нарративных интервью для детального описания временных переживаний. Исследователи также должны приобрести опыт осуществления аналитики относительно временных практик, то есть рассмотрения того, как можно понимать время через различные концептуализации, такие как работа во временной перспективе, объекты времени, траектории пациентов. Я предполагаю, что использование аналитики применительно к временным практикам означает эксплицитное использование имплицитных теорий времени, встроенных в исследования организаций, и разработку соотношения этих теорий с конкретным исследовательским проектом. Наконец, я утверждаю, что более широкий взгляд на совмещение времен (многовременное совмещение) означает не только репрезентацию субъективных и объективных перспектив, но и отображение времени как социальной структуры / временного процесса в рамках организационной жизни.

Литература

- Adam B.* Timescapes of Modernity: The Environment and Invisible Hazards. L.: Routledge, 1998.
- Adam B.* Timewatch: The Social Analysis of Time. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Atkinson P., Hammersley M.* Ethnography and Participant Observation // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks: Sage, 1994. P. 248–261.
- Auyero J., Swistun D.* Tiresias in Flammable Shantytown: Toward a Tempography of Domination // Sociological Forum. 2009. Vol. 24. № 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2008.01084.x>
- Barley S. R.* On Technology, Time, and Social Order: Technically Induced Change in the Temporal Organization of Radiological Work // Making Time: Ethnographies of High-Technology Organizations / Ed. by F. A. Dubinkas. Philadelphia: Temple University Press, 1988. P. 123–169.
- Bergman M. M.* Conference Essay: The Broad and the Narrow in Ethnography on Organisations // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2003. Vol. 4. № 1. Art. 23. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-4.1.766>
- Birth K. K.* Objects of Time: How Things Shape Temporality. NY: Palgrave Macmillan, 2012. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137017895>
- Bobys R. S.* Reviewed Work(s): Patterns of Time in Hospital Life: A Sociological Perspective by Eviatar Zerubavel // Social Forces. 1980. Vol. 59. № 2. P. 581–582. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/59.2.581>
- Clarke V., Braun V., Hayfield N.* Thematic Analysis // Qualitative Psychology: A Practical Guide to Research Methods / Ed. by J. A. Smith. 3rd ed. L.: Sage, 2015. P. 222–248.
- Czarniawska B.* Shadowing, and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies. Copenhagen: Liber, Copenhagen Business School Press, Universitetsforlaget, 2007.

Dawson P. Reflections: On Time, Temporality and Change in Organizations // Journal of Change Management. 2014a. Vol. 14. № 3. P. 285–308. DOI: <https://doi.org/10.1080/14697017.2014.886870>

Dawson P. Temporal Practices: Time and Ethnographic Research in Changing Organizations // Journal of Organizational Ethnography. 2014b. Vol. 3. № 2. P. 130–151. DOI: <https://doi.org/10.1108/joe-05-2012-0025>

Fabian J. Time and the Other: How Anthropology Constructs Its Object. NY: Columbia University Press, 1983.

Glaser B. G., Strauss A. L. Time for Dying. Chicago: Aldine, 1968.

Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: Principles in Practice. 3rd ed. L.: Taylor & Francis e-Library, 2007. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203944769>

Harvey D. C. Waiting in the Lower Ninth Ward in New Orleans: A Case Study of the Tempography of Hyper-Marginalization // Symbolic Interaction. 2015. Vol. 38. № 4. P. 539–556. DOI: <https://doi.org/10.1002/symb.185>

Hernes T. Process as the Becoming of Temporal Trajectory // The Sage Handbook of Process Organization Studies / Ed. by A. Langley, H. Tsoukas. Thousand Oaks: Sage, 2017. P. 601–607. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473957954.n38>

Jarzabkowski P., Bednarek R., Lê J. K. Producing Persuasive Findings: Demystifying Ethnographic Textwork in Strategy and Organization Research // Strategic Organization. 2014. Vol. 12. № 4. P. 274–287. DOI: <https://doi.org/10.1177/1476127014554575>

Jensen T. E. Witnessing The Future // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.200>

Kaplan S., Orlikowski W. J. Temporal Work in Strategy Making // Organization Science. 2013. Vol. 24. № 4. P. 965–995. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.1120.0792>

Kozin A. On Making Legal Emergency: Law Office at its Most Expeditious // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 12. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.202>

McGivern G. et al. The Silent Politics of Temporal Work: A Case Study of a Management Consultancy Project to Redesign Public Health Care // Organization Studies. 2018. Vol. 39. № 8. P. 1007–1030. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840617708004>

Moreira T. How to Investigate the Temporalities of Health // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 13. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.203>

Nowotny H. Time: The Modern and Postmodern Experience. Cambridge: Polity Press, 1994.

Orlikowski W. J. Sociomaterial Practices: Exploring Technology at Work // Organization Studies. 2007. Vol. 28. № 9. P. 1435–1448. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840607081138>

Orlikowski W. J. Using Technology and Constituting Structures: A Practice Lens for Studying Technology in Organizations // Organization Science. 2000. Vol. 11. № 4. P. 404–428. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.11.4.404.14600>

Orlikowski W. J., Scott S. V. 10 Sociomateriality: Challenging the Separation of Technology, Work and Organization // The Academy of Management Annals. 2008. Vol. 2. № 1. P. 433–474. DOI: <https://doi.org/10.5465/19416520802211644>

Orlikowski W. J., Yates J. It's About Time: Temporal Structuring in Organizations // Organization Science. 2002. Vol. 13. № 6. P. 684–700. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.13.6.684.501>

Pedersen A. R. Moving away from Chronological Time: Introducing the Shadows of Time and Chronotopes as New Understandings of “Narrative Time” // Organization. 2009. Vol. 16. № 3. P. 389–406. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350508409102302>

Pedersen A. R., Humle D. M. Doing Organizational Ethnography: A Focus on Polyphonic Ways of Organizing. NY: Routledge, 2016. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315677279>

Pedersen A. R., Johansen M. B. Strategic and Everyday Innovative Narratives: Translating Ideas into Everyday Life in Organizations // Innovation Journal. 2012. Vol. 17. № 1. P. 2–19.

Reinecke J., Ansari S. When Times Collide: Temporal Brokerage at the Intersection of Markets and Developments // *Academy of Management Journal*. 2015. Vol. 58. № 2. P. 618–648. DOI: <https://doi.org/10.5465/amj.2012.1004>

Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. NY: Columbia University Press, 2013. DOI: <https://doi.org/10.7312/rosa14834>

Schilling E. “Success is Satisfaction with What You Have”? Biographical Work-Life Balance of Older Female Employees in Public Administration // *Gender, Work and Organization*. 2015. Vol. 22. № 5. P. 474–494. DOI: <https://doi.org/10.1111/gwao.12097>

Schultz M., Hernes T. A Temporal Perspective on Organizational Identity // *Organization Science*. 2012. Vol. 24. № 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.1110.0731>

Strauss A. L. et al. *Social Organization of Medical Work*. 2nd ed. Piscataway: Transaction, 1997.

Timmermans S. Closed-Chest Cardiac Massage: The Emergence of a Discovery Trajectory // *Science, Technology & Human Values*. 1999. Vol. 24. № 2. P. 213–240. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224399902400202>

Timmermans S. Mutual Tuning of Multiple Trajectories // *Symbolic Interaction*. 1998. Vol. 21. № 4. P. 425–440. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.1998.21.4.425>

Wall R. “Natural”, “Normal”: Discourse and Practice at St. Bartholomew’s Hospital, London, and Addenbrooke’s Hospital, Cambridge, 1880–1920 // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.208>

Waterworth S. Temporal Reference Frameworks and Nurses’ Work Organization // *Time & Society*. 2003. Vol. 12. № 1. P. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.1177/0961463x03012001362>

Waterworth S. Time and Change in Health Care // *Leadership in Health Services*. 2017. Vol. 30. № 4. P. 354–363. DOI: <https://doi.org/10.1108/lhs-08-2016-0038>

Willis E. M. The Problem of Time in Ethnographic Health Care Research // *Qualitative Health Research*. 2010. Vol. 20. № 4. P. 556–564. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732310361243>

Yakura E. K. Charting Time: Timelines as Temporal Boundary Objects // *Academy of Management Journal*. 2002. Vol. 45. № 5. P. 956–970. DOI: <https://doi.org/10.5465/3069324>

Zerubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Zerubavel E. *Patterns of Time in Hospital Life: A Sociological Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

Дата поступления: 01.10.2020

Understanding, Seeing and Representing Time in Tempography

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.1

Vibeke Kristine Scheller

Scheller Vibeke Kristine — *Postdoctoral Researcher, PhD in Organization and Management Studies, Department of Organization, Copenhagen Business School (Copenhagen, Denmark); MA in Working Life Studies and Psychology, Roskilde University, vks.ioa@cbs.dk.*

I discuss in this article how ethnographers understand, see and represent time by presenting a research study of a newly established cardiac day unit. Previous discussions of time in relation to ethnography mainly revolved around choosing an appropriate tense for writing up the text, and few studies attempted to develop a framework for conducting time-oriented ethnography in organizations, i.e., tempography. I argue that doing tempography requires

considerations in several phases of the research process: how we understand time through theory; how we see time in different qualitative methods; and how we represent time in writing. I present empirical findings that illustrate different ways that time emerges in the ethnographic research process, for example, in observational accounts, through depictions and narratives that support different temporal conceptualizations, patients' stories about their trajectories and as ethnographic accounts of professional work. I contend that ethnographers need to consider: 1. methodological temporal awareness as recognition of coexisting temporal modes in qualitative data; 2. temporal analytical practices as understanding time and temporality through different theoretical concepts; and 3. multi-temporal merging as a matter of representing diverse perspectives in ethnographic writing.

Keywords: time; temporality; ethnography; organization studies; time objects; temporal work; trajectories

Received: 01.10.2020